

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](http://TheLib.Ru)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Золя Эмиль

Осада мельницы

Эмиль Золя

Осада мельницы

Перевод Д. Лившиц

I

В этот прекрасный летний вечер на мельнице дядюшки Мерлье готовилось большое торжество. Три стола, вынесенные во двор и составленные в длину, ждали гостей. Все в тех краях знали, что сегодня должно было состояться обручение Франсуазы, дочери Мерлье, с Домиником; парень этот слыл бездельником, но при взгляде на него у всех женщин на три лье вокруг загорались глаза - так он был хорош собой.

Мельница дядюшки Мерлье поистине радовала глаз. Она стояла как раз посредине Рокреза, в том месте, где большая дорога делает поворот. Вся деревня состоит из одной лишь улицы - двух рядов домишек, что идут по обе стороны дороги, но здесь, у поворота, широко раскинулись луга, а высокие деревья, растущие на берегу Морели, осеняют долины великолепной густой тенью. Во всей Лотарингии не найти более живописного местечка. Справа и слева вздымаются густые вековые леса, заливая пологие склоны целым морем зелени, а к югу расстилается сказочно плодородная долина, и пашни, разделенные живыми изгородями, уходят в бесконечную даль. Но главная прелесть Рокреза - в прохладе, царящей в этом зеленом уголке даже в самые знойные июльские и августовские дни. Морель берет начало в лесах Ганьи и словно напоена свежестью листвы, под которой она протекает на протяжении стольких лье; она несет с собой шепот, шорохи, холодную, задумчивую тень дубравы. И это не единственный источник прохлады. Тысячи ручейков поют свои песни у подножия деревьев; на каждом шагу выступают ключи; пробираясь по узким тропинкам, вы чувствуете, как подземные озера просачиваются сквозь мхи, пользуясь самой крошечной щелью - у подножия дерева, в расщелине камня, - чтобы разлиться прозрачными родниками. Рокочущие голоса всех этих многочисленных водяных струек так звонки, что они заглушают громкое пение снегирей. Вы попали в какой-то зачарованный парк, где фонтаны бьют со всех сторон.

Нижние луга насквозь пропитаны влагой. Гигантские каштаны отбрасывают черные тени. Длинная шуршащая завеса тополей окаймляет лужайки. Две аллеи огромных платанов пересекают поле и идут к старинному замку Ганьи, от которого остались ныне одни развалины. На этой обильно орошаемой земле трава достигает чудовищной высоты. Настоящий цветник, раскинутый меж двух лесистых холмов, но цветник естественный, где газонами служат луга, а деревья-колоссы похожи на огромные клумбы. В полдень тени под отвесными лучами солнца начинают синеть, трава дремлет, охваченная зноем, прохладный ветерок пробегает по листве, и она трепещет, словно от озноба.

Вот этот-то заросший буйной зеленью уголок и оживляла своим шумом мельница дядюшки Мерлье. Постройка, сооруженная из камня, теса и штукатурки, казалось, была стара как мир. Она по пояс купалась в Морели, которая, закругляясь, образует здесь прозрачную заводь. Тут была устроена плотина. Вода с высоты нескольких метров падала на мельничное колесо, и, поворачиваясь, оно скрипело и кряхтело, как верная служанка, которая состарилась на службе в доме. Когда кто-нибудь советовал дядюшке Мерлье сменить колесо, он качал головой и говорил, что новое будет ленивее старого, что оно хуже будет знать свое дело; и он чинил его, пуская в ход все, что попадалось под руку, - бочарные

доски, ржавое железо, свинец, цинк. Разукрашенное травой и мхом, колесо принимало самую причудливую форму, и при взгляде на него делалось еще веселее. Когда же вода заливала его серебряным потоком, оно покрывалось жемчугом и его странный остов, мелькая, сверкал под ослепительным перламутровым убором.

Эта часть мельницы, купавшаяся в Морели, напоминала какой-то первобытный ковчег, потерпевший здесь крушение. Добрая половина здания была построена на сваях, вода забиралась под дощатый настил, где имелись дыры, хорошо известные в округе благодаря попадавшим в них огромным угрям и ракам. Пониже плотины заводь была чиста, как зеркало, и когда колесо не мутило ее своей пеной, в глубине виднелись целые стаи крупной рыбы, плававшей с медлительностью эскадры. Сломанная лесенка спускалась к речке возле сваи, к которой была привязана лодка. Над колесом лепилась деревянная галерейка. Оконные ниши были прорублены несимметрично. Это было какое-то нагромождение закоулков, низеньких стенок, пристроек, балок и кровель, придававших мельнице вид старинной полуразрушенной крепости. Но постепенно разросся плющ, всевозможные вьющиеся растения закрыли чрезмерно широкие щели и закутали зеленым плащом старое строенье. Приезжие барышни зарисовывали мельницу дядюшки Мерлье в свои альбомы.

Со стороны дороги дом был более основателен. Каменное крыльцо выходило на большой двор, по обе стороны которого шли сараи и конюшни. Огромный вяз у колодца окутывал полдвора своей тенью. Дом стоял в глубине; над четырьмя окнами второго этажа возвышалась голубятня. Каждые десять лет дядюшка Мерлье считал необходимым перекрашивать этот фасад - таково было единственное проявление его тщеславия. Сейчас мельница как раз была выбелена заново и сверкала на всю деревню, когда в полдень ее освещало солнце.

Вот уже двадцать лет, как дядюшка Мерлье был мэром Рокреза. Все уважали его за богатство, которого он сумел добиться. Ходили слухи, что у него без малого восемьдесят тысяч франков, сколоченных по грошику. Когда он женился на Мадлене Гийяр, которая принесла ему в приданое мельницу, у него не было ничего, кроме пары рук. Однако Мадлене ни разу не пришлось раскаяться в своем выборе - так ловко сумел он вести хозяйство. Потом жена его умерла, и он стал жить вдовцом с дочерью Франсуазой. Он мог бы, конечно, уйти на покой, позволить мельничному колесу уснуть во мхах, но ему стало бы тоскливо, дом показался бы ему мертвым. И он продолжал работать - просто ради удовольствия. Теперь это был высокий старик с продолговатым серьезным лицом. Он никогда не улыбался, но в душе был человеком веселого нрава. В мэры его выбрали за его деньги, а также за важный вид, который он умел на себя напускать, когда венчал какую-нибудь парочку.

Франсуазе Мерлье недавно исполнилось восемнадцать лет. В деревне она не слыла красавицей, так как была довольно тщедушна. До пятнадцати лет она была просто дурнушкой. Никто в Рокрезе не мог понять, почему это дочь таких здоровенных родителей, как супруги Мерлье, растет до того хилой, что на нее жалко смотреть. Однако в пятнадцать лет, по-прежнему оставаясь хрупкой, девушка стала прехорошенькой. У нее были черные волосы, черные глаза и при этом - нежный румянец; ротик ее всегда улыбался; на щеках играли ямочки, а лоб был такой ясный, словно на нем лежал отблеск солнечного сияния. Хотя, по местным понятиям, Франсуаза и была несколько тщедушна, она все же не была худа, вовсе нет; правда, ей не поднять было мешка с зерном, но с возрастом она становилась пухленькой, а со временем обещала сделаться кругленькой и лакомой, словно перепелка. Вот только одно - постоянная молчаливость отца сделала ее не по годам рассудительной, и если она всегда улыбалась, то это для того, чтобы доставить удовольствие окружающим. В сущности же, она была степенной.

Понятно, что вся округа ухаживала за ней, и причина была не столько в ее миловидности, сколько в ее деньгах. А она в конце концов сделала выбор, вызвавший всеобщее негодование. На противоположном берегу Морели жил высокий малый по имени Доминик Панкер. Это был не рокрезец. Десять лет назад он приехал из Бельгии, чтобы получить наследство после дяди, который оставил ему небольшую ферму на самой опушке

Ганьийского леса, как раз напротив мельницы, на расстоянии нескольких ружейных выстрелов. По его словам, он приехал с тем, чтобы продать ферму и вернуться домой. Но, видно, местность ему понравилась, потому что он так никуда и не уехал. Он стал возделывать свой клочок земли, собирая с него кое-какие овощи, и этим жил. Кроме того, он охотился, удил рыбу. Лесничим несколько раз чуть было не удалось его поймать и составить на него протокол. В конце концов это вольное существование, источники которого были для крестьян не вполне ясны, создало ему дурную славу. Поговаривали, будто он браконьер. Так или иначе, парень был лентяй, - его не раз заставляли спать где-нибудь на травке в такое время дня, когда ему бы следовало работать. Домишко, где он жил, под крайними деревьями леса, тоже не был похож на жилье порядочного человека. Скажи кто-нибудь, что Доминик ведет дружбу с волками из развалин замка Ганьи, местные старухи ничуть бы этому не удивились. Однако девушки отваживались порой встать на его защиту. Уж очень он был хорош собой, этот подозрительный малый, - строен и высок, словно тополь, с белой кожей, с белокурой бородой и волосами, отливавшими золотом на солнце. И вот в одно прекрасное утро Франсуаза объявила отцу, что любит Доминика и никогда не согласится выйти за другого.

Можно себе представить, какой удар обрушился в этот день на дядюшку Мерлье! По своему обыкновению, он промолчал. Лицо его оставалось таким же сосредоточенным, как обычно; только в глазах не светилось больше затаенное веселье. Оба дулись целую неделю. Франсуаза больше не улыбалась. Особенно мучило дядюшку Мерлье желание узнать, каким образом этот чертов браконьер сумел околдовать его дочку. Доминик ведь ни разу не был на мельнице. Мельник начал следить и подстерег воздыхателя на другом берегу Морели: он лежал там на травке, притворяясь спящим. Франсуаза отлично могла видеть его из своего окошка. Ну, ясное дело, - они, значит, полюбили друг дружку, переглядываясь поверх мельничного колеса.

Так прошла еще неделя. Франсуаза становилась все мрачнее. Старик Мерлье по-прежнему молчал. Потом, однажды вечером, не сказав ни слова, он сам привел Доминика. Франсуаза как раз накрывала на стол. Она не выразила удивления и ограничилась тем, что поставила лишний прибор; только ямочки снова заиграли у нее на щеках и опять зазвучал ее смех. Утром этого дня дядюшка Мерлье пришел к Доминику в его лачугу на опушке леса. Здесь мужчины проговорили три часа, закрыв двери и окна. Никто так и не узнал, что они сказали друг другу. Достоверно одно - что, уходя, дядюшка Мерлье уже обращался с Домиником как с сыном. Должно быть, в лентяе, который валялся на травке и влюблял в себя девушек, старик нашел именно такого парня, какого искал, - порядочного парня.

Весь Рокрез зашумел. Женщины, стоя на крыльчке, не могли вдоволь наговориться о сумасбродстве дядюшки Мерлье, который берет к себе в дом бездельника. Старик не обращал внимания на эти толки. Быть может, он припомнил свою собственную женитьбу. Ведь и у него не было ни гроша, когда он взял в жены Мадлену и с ней ее мельницу. Не помешало же это ему стать хорошим мужем. Доминик, впрочем, скоро положил конец пересудам: он взялся за работу с таким рвением, что изумил всю округу. Как раз в это время работника с мельницы забрали в солдаты, и Доминик решительно воспротивился тому, чтобы наняли другого. Он носил мешки, возил тележку, сражался со старым колесом, когда оно не желало вертеться, и все это с таким усердием, что люди нарочно приходили поглазеть на него.

Дядюшка Мерлье, как всегда, тихонько посмеивался. Он был очень горд тем, что разгадал этого парня. Ничто так не воодушевляет молодежь, как любовь.

Вся эта тяжелая работа не мешала Франсуазе и Доминику обожать друг друга. Они почти не разговаривали а только переглядывались с нежной улыбкой. Дядюшка Мерлье еще ни слова не сказал о свадьбе, и, покоряясь молчанию старика, оба терпеливо ждали его решения. Наконец около середины июля он велел поставить во дворе, под высоким вязом, три стола и пригласил своих рокрезских друзей зайти к нему вечером выпить по стаканчику. Когда двор наполнился людьми и все взяли по стакану, дядюшка Мерлье высоко поднял

свой и сказал:

- Я пригласил вас, чтобы объявить, что через месяц, в день святого Людовика, Франсуаза выйдет замуж за этого молодца.

Все шумно чокнулись. Кругом смеялись. Но вот дядюшка Мерлье опять потребовал внимания и сказал:

- Доминик, поцелуй невесту, так уж полагается.

И, сильно покраснев, они поцеловались под усилившийся смех гостей. Это было настоящее пиршество. Выпили целый бочонок. Потом, когда остались только близкие друзья, завязалась спокойная беседа. Наступила ночь, звездная, светлая ночь. Доминик и Франсуаза, сидя рядом на скамье, молчали. Какой-то старик крестьянин заговорил о войне, которую император объявил Пруссии. Всех деревенских парней уже забрали; накануне опять прошли воинские части; дело будет жаркое.

- Ничего! - сказал дядюшка Мерлье с эгоизмом счастливого человека. Доминик - иностранец, его не возьмут... А если пруссаки придут сюда, он будет дома и защитит свою жену.

Мысль о том, что пруссаки могут прийти сюда, показалась всем веселой шуткой. Им дадут хорошую взбучку, и всей этой истории будет положен конец.

- Я уже видывал их, видывал их, - глухо твердил старик крестьянин.

Все помолчали. Потом чокнулись еще раз. Франсуаза и Доминик ничего не слышали; и незаметно для окружающих они тихонько взяли за руки позади скамейки, и им было так хорошо, что они сидели не шевелясь, устремив взгляд в темную даль.

Что за теплая, чудесная ночь! По обе стороны белой дороги безмятежно, как ребенок, засыпала деревня. Было совсем тихо, лишь изредка раздавалось пение петуха, который проснулся, не дождавшись утра. Легкий ветерок доносил со стороны густых окрестных лесов сонное дыхание деревьев, касавшееся крыш, словно ласка. Луга с их черными тенями приобрели таинственное и задумчивое величие, а все источники, все ключи, бывшие во мраке, казались свежим и размеренным дыханьем уснувшей природы. Время от времени старое мельничное колесо, задремав, начинало хрипеть, словно старый сторожевой пес, который лает со сна; оно потрескивало, говорило само с собой, убаюканное водопадом Морели, и ее водяная пелена отвечала протяжной музыкальной нотой, напоминавшей звук органной трубы. Никогда еще столь безграничный покой не опускался на столь счастливый уголок земли.

II

Спустя месяц, день в день, как раз накануне праздника святого Людовика, в Рокрезе царило смятение. Пруссаки разбили императора и теперь форсированным маршем подходили к деревне. Всю неделю люди, проходившие по дороге, приносили вести о пруссаках: "Они в Лормьере!", "Они в Новеле!" - и, слыша о том, с какой быстротой они приближаются, жители Рокреза каждое утро думали, что вот-вот увидят, как пруссаки выходят из леса Ганьи. Однако же те не появлялись, и это пугало еще больше. Должно быть, они нападут на деревню ночью и всех перевернут.

В прошлую ночь, незадолго до рассвета, в Рокрезе был страшный переполох. Жители проснулись от громкого топота, доносившегося с дороги. Женщины уже падали на колени и крестились, когда кто-то, осторожно приоткрыв окошко, различил красные шаровары. То был французский отряд. Капитан сейчас же потребовал к себе мэра и, поговорив с дядюшкой Мерлье, решил остаться на мельнице.

Солнце весело всходило в это утро. Полдень обещал быть жарким. Над деревьями зыбила золотистая дымка, а в низинах поднимался от лугов белый пар. Опрятная, красивая деревушка просыпалась в прохладе, и поля с их речкой и родниками напоминали прелестный, обрызганный влагой букет. Но этот прекрасный день никого не радовал. Все видели, как капитан обошел вокруг мельницы, как смотрел на соседние дома, а затем, переправившись на тот берег Морели, изучал оттуда местность, глядя в бинокль; Дядюшка Мерлье, сопровождавший его, видимо, объявлял ему что-то. Потом капитан разместил

солдат за стенами, за деревьями, в ямах. Основная часть отряда расположилась во дворе мельницы. Неужели будут драться? И когда вернулся дядюшка Мерлье, его спросили об этом. Он молча кивнул головой. Да, будут драться.

Франсуаза и Доминик стояли тут же, во дворе, и смотрели на него. Наконец он вынул изо рта трубку и сказал им просто:

- Бедные мои детки, не придется мне завтра обвенчать вас!

Стиснув зубы, гневно нахмурив лоб, Доминик порой вытягивался во весь рост и впивался взглядом в лес Ганьи, словно ему не терпелось увидеть выходящих оттуда пруссаков. Франсуаза, бледная, сосредоточенная, ходила взад и вперед, подавая солдатам все, что им требовалось. Те варили себе похлебку на дворе, в сторонке, и шутили в ожидании обеда.

У капитана между тем был очень довольный вид. Он осмотрел комнаты и большой зал мельницы, выходявшие на реку, и теперь, сидя у колодца, беседовал с дядюшкой Мерлье.

- Да у вас тут настоящая крепость, - говорил он, - мы легко продержимся до вечера... Эти разбойники что-то запаздывают. Им пора бы подойти сюда.

Мельник был по-прежнему мрачен. Он уже видел, как его мельница пылает, словно факел, но не жаловался, считая это бесполезным. Он проговорил только:

- Вы бы приказали спрятать за колесо лодку. Там есть для нее подходящее местечко. Может, она и пригодится.

Капитан распорядился. Это был видный мужчина лет сорока, высокий, красивый. Казалось, ему доставляло удовольствие смотреть на Франсуазу и Доминика. Он был так занят ими, словно и забыл о предстоящей схватке. Глаза его не отрывались от Франсуазы, и ясно было, что он находит ее прелестной. Потом он обернулся к Доминику.

- Почему вы не в армии, приятель? - внезапно спросил он.

- Я иностранец, - ответил юноша.

Капитана, видимо, не вполне удовлетворил этот довод. Он прищурил глаза и улыбнулся. С Франсуазой было, конечно, приятней иметь дело, чем с пушкой. Но Доминик увидел его улыбку и добавил:

- Да, я иностранец, но пулю в яблоко всаживаю с пятисот метров... Да вот и мое охотничье ружье стоит там, у вас за спиной.

- Оно может вам пригодиться, - просто ответил капитан.

Франсуаза подошла к ним; она слегка дрожала. И Доминик, не обращая внимания на окружающих, сжал руки девушки, которые она протянула, словно ища у него защиты. Капитан снова улыбнулся, но не прибавил ни слова. Он все еще сидел у колодца, поставив саблю между колен, устремив взгляд в пространство и как бы задумавшись о чем-то.

Было уже десять часов. Зной усиливался. Стояла томительная тишина. На дворе, в тени сараев, солдаты принялись за похлебку. Из деревни, где все жители забаррикадировали двери и окна своих домов, не долетало ни малейшего шума. Только выл чей-то пес, оставшийся на дороге. Со стороны окрестных лесов и лугов, изнемогавших от зноя, доносился отдаленный протяжный гул, сочетавший в себе множество разрозненных звуков. Где-то прокуковала кукушка. И тишина стала еще более глубокой.

И вдруг в уснувшем воздухе прогремел выстрел. Капитан поспешно вскочил с места. Солдаты побросали котелки с недоеденной похлебкой. В несколько секунд все оказались на боевых постах; мельница наполнилась людьми снизу доверху. Впрочем, выйдя на дорогу, капитан ничего не увидел, - дорога вправо и влево была такой же белой и пустынной, как прежде. Снова раздался выстрел, и по-прежнему никого, ни единой тени. Однако, обернувшись, капитан заметил в стороне Ганьийского леса, меж двух деревьев, легкое облачко дыма, которое уже рассеивалось. Чаша была все так же дремуча и безмолвна.

- Эти негодяи забрались в лес, - пробормотал капитан, - они знают, что мы тут.

И вот между французскими солдатами, расставленными вокруг мельницы, и пруссаками, спрятавшимися за деревьями, началась перестрелка. Она становилась все более и более оживленной. Пули свистели над Морелью, не причиняя урона ни той, ни другой

стороне. Беспорядочные выстрелы раздавались из-за каждого куста, но все еще были видны лишь легкие облачка дыма, слабо колеблемые ветром. Это продолжалось около двух часов. Офицер с равнодушным видом напевал песенку. Франсуаза и Доминик, оставшиеся во дворе, приподнимались на цыпочки, стараясь заглянуть поверх ограды. Их особенно занимал один солдатик, который устроился на берегу Морели под прикрытием старой лодки. Растянувшись на животе, он выжидал, стрелял, затем сползал в канаву, чтобы перезарядить ружье, и движения его были так забавны, так ловки, так проворны, что вызывали невольную улыбку. Должно быть, он заметил голову пруссака, потому что вдруг вскочил и прицелился, но, не успев еще выстрелить, вскрикнул, перевернулся и скатился в канаву, где его ноги с секунду судорожно дергались, словно лапки только что зарезанного цыпленка. Пуля угодила солдатику прямо в грудь. Это был первый убитый. Франсуаза невольно схватила руку Доминика и сжала ее.

- Уходите отсюда, - сказал капитан. - Сюда может долететь пуля.

Действительно, в старом вязе раздался негромкий сухой треск, и обломанная ветка, качаясь, упала на землю. Но молодые люди не тронулись с места, прикованные жутким зрелищем: на опушку леса, из-за дерева, словно из-за кулис, неожиданно вышел пруссак и, взмахнув руками, упал навзничь. И ничто больше не шелохнулось; оба мертвеца, казалось, спали на припеке; в оцепеневших от зноя полях по-прежнему не видно было ни души. Даже ружейная трескотня смолкла. Только Морель не прекращала своего звонкого журчанья.

Дядюшка Мерлье с удивлением взглянул на капитана, словно спрашивая его, уж не кончилось ли все это.

- Вот оно! - пробормотал тот. - Берегитесь. Уходите отсюда.

Он не успел еще договорить, как прогремел ужасающий залп. Высокий вяз словно скосило, только листья закружились в воздухе. К счастью, пруссаки взяли слишком высоко. Доминик увлек, почти унес Франсуазу, а дядюшка Мерлье шел за ними и кричал:

- Спрячьтесь в маленьком погребе, там надежные стены!

Но они не послушались его и вошли в зал, где человек десять солдат молча ожидали, закрыв ставни и глядя в щели. Во дворе остался только капитан; он присел за низенькой стенкой. Яростные залпы продолжались. Солдаты, которых он заместил снаружи, отстаивали каждую пядь земли, но когда неприятель выгонял их из укрытий, они ползком, один за другим, возвращались назад. Им приказано было выиграть время, не показываться, чтобы пруссаки не могли определить, с какими силами имеют дело. Прошел еще час. Когда явился сержант и сообщил, что снаружи осталось только два или три солдата, офицер посмотрел на часы и пробормотал:

- Половина третьего... Значит, надо продержаться еще четыре часа.

Он велел запереть ворота, и было подготовлено все, чтобы дать решительный отпор. Пруссаки находились по ту сторону Морели, и немедленный натиск, по-видимому не угрожал. Правда, в двух километрах от мельницы имелся мост, но они вряд ли знали о его существовании, а попытка перейти реку вброд была маловероятна. Поэтому офицер приказал наблюдать только за дорогой. Главного удара следовало ждать именно отсюда.

Перестрелка снова прекратилась. Мельница под жарким солнцем казалась мертвой. Все до единого ставни были закрыты, изнутри не доносилось ни звука. Между тем на опушке леса Ганьи начали показываться пруссаки. Сперва они высовывали только голову, потом осмелели. Некоторые из солдат, засевших на мельнице, прицелились, но капитан крикнул:

- Нет, нет, погодите... Подпустите их поближе.

Они подходили осторожно, с опаской поглядывая на мельницу. Этот старый дом, молчаливый и мрачный, весь окутанный плющом, внушал им тревогу. Тем не менее они шли вперед. Когда на лугу, против мельницы, их оказалось человек пятьдесят, офицер скомандовал:

- Пли!

Раздался залп, за ним последовали отдельные выстрелы. Франсуаза, вся дрожа, невольно заткнула уши. Доминик стоял позади солдат. Когда дым немного рассеялся, он

увидел трех пруссаков, лежавших на спине посреди луга. Остальные бросились назад и укрылись за ивами и тополями. Приступ начался.

Больше часа на мельницу сыпались пули. Они, словно град, хлестали старые стены. Ударившись о камень, они сплющивались и падали в воду. В дерево они вонзались с глухим стуком. Иногда раздавался треск, говоривший о том, что задето и колесо. Солдаты, засевшие внутри, берегли патроны и стреляли лишь тогда, когда можно было прицелиться. Время от времени капитан поглядывал на часы. И когда пуля, пробив ставень, застряла в потолке, он пробормотал:

- Четыре часа! Нам ни за что не продержаться до вечера.

В самом деле, этот яростный обстрел понемногу разрушал старую мельницу. Один ставень упал в воду, весь в дырках, словно кружево; пришлось заменить его матрасом. Дядюшка Мерлье поминутно высовывался наружу, чтобы взглянуть на новые повреждения бедного колеса, треск которого разрывал ему сердце. На этот раз - конец, больше его не починить. Доминик умолял Франсуазу уйти отсюда, но ей хотелось быть с ним, и она села на пол за большим дубовым шкафом, который служил ей прикрытием. Однако пуля попала и в шкаф, стенки которого ответили глухим гулом. Тогда Доминик заслонил собой Франсуазу. Он еще ни разу не выстрелил; ружье он держал в руке, но не мог подойти к окнам, так как они были заняты солдатами во всю ширину. При каждом залпе сотрясался пол.

- Берегись! Берегись! - крикнул вдруг капитан.

Он заметил, как из лесу выползла густая темная масса. И сейчас же открылся страшный огонь целого взвода. Словно смерч налетел на мельницу. Сорвался еще один ставень, и в зияющую оконную дыру влетели пули. Двое солдат упали на пол. Один из них больше не шевелился; его оттащили к стене, чтобы он не мешал. Другой корчился в судорогах, прося прикончить его, но никто его не слушал. Пули продолжали влетать в комнату. Каждый старался уберечься от них и найти бойницу, откуда можно было ответить ударом на удар. Третий солдат был ранен, - этот не произнес ни слова и с застывшим мутным взглядом растянулся у стола. При виде всех этих мертвецов Франсуазу охватил ужас. Она бессознательно оттолкнула стул и села у стены на пол: ей казалось, что здесь она занимает меньше места и что здесь не так опасно. Тем временем солдаты собрали все имевшиеся в доме матрацы и заложили ими окна до половины. Комната понемногу наполнилась обломками, разбитым оружием, развороченной мебелью.

- Пять часов, - сказал капитан. - Теперь держитесь... Они попытаются перейти реку.

В эту минуту Франсуаза вскрикнула. Пуля, отскочив рикошетом, слегка задела ей лоб. Показалось несколько капель крови. Доминик посмотрел на нее, потом, подойдя к окну, он выпустил свою первую пулю и с этого момента уже не прекращал стрельбы. Он заряжал, стрелял, не обращая внимания на то, что происходило вокруг, и только время от времени кидал беглый взгляд на Франсуазу. Впрочем, он не торопился и целился хорошенько. Как и предвидел капитан, пруссаки, пробираясь вдоль тополей, видимо, решили перейти через Морель. Однако едва кто-нибудь из них отваживался выйти из-за дерева, он тотчас же падал, пораженный в голову пулей Доминика. Капитан, следивший за молодым человеком, был в восторге. Он похвалил его и сказал, что был бы счастлив иметь побольше таких искусных стрелков. Доминик не слушал его. Одна пуля задела ему плечо, другая контузила в руку, а он все стрелял.

Еще двое были убиты. Изрешеченные матрацы уже не закрывали окон. Казалось, еще один залп - и мельница рухнет. Положение было безнадежно. И все же капитан твердил:

- Держитесь... Еще полчаса, только полчаса.

Теперь он считал минуты. Он обещал своему начальству задержать неприятеля до вечера и не согласился бы отойти ни на шаг до того срока, какой сам назначил для отступления. Он был все так же приветлив и улыбался Франсуазе, чтобы ее подбодрить. Подняв ружье одного из убитых солдат, он начал стрелять сам.

В комнате оставалось только четыре солдата. Множество пруссаков появилось на противоположном берегу Морели, и ясно было, что они вот-вот переправятся через реку.

Прошло еще несколько минут. Капитан упорно не желал отдать приказ об отступлении, как вдруг в зал вбежал сержант:

- Они на дороге, они хотят захватить нас с тыла.

Пруссаки, видимо, нашли мост. Капитан посмотрел на часы.

- Еще пять минут, - сказал он. - Чтобы прийти сюда, им понадобится не меньше пяти минут.

Затем ровно в шесть часов он наконец согласился вывести своих людей через калитку, выходящую в переулок. Оттуда они бросились в канаву и добрались потом до Совальского леса. Перед уходом капитан вежливо простился с дядюшкой Мерлье и извинился перед ним. Он даже добавил:

- Отвлеките их чем-нибудь... Мы вернемся.

Теперь только Доминик оставался в зале. Он все еще стрелял, ничего не слыша, ничего не понимая. Он сознавал одно - надо защищать Франсуазу. Он даже не заметил, как ушли солдаты. Прицеливаясь, он каждым выстрелом убивал по пруссаку. Внезапно раздался сильный шум. Пруссаки, войдя с тыла, заполнили весь двор. Он выстрелил в последний раз, и когда они навалились на него, ружье еще дымилось в его руках.

Четверо солдат держали его. Остальные орали вокруг на каком-то ужасном языке. Они чуть было не прикончили его на месте. Франсуаза бросилась вперед, умоляя о пощаде. Тут вошел офицер и приказал подвести пленного. Потом, обменявшись с солдатами несколькими фразами по-немецки, он обернулся к Доминику и резко сказал ему на отличном французском языке:

- Через два часа вы будете расстреляны.

III

Приказ германского генерального штаба гласил: всякий француз, не входящий в состав регулярной армии и захваченный с оружием в руках, должен быть расстрелян. Даже роты добровольцев не признавались за солдат. Опасаясь сопротивления крестьян, защищающих свой очаг, немцы с помощью этих устрашающих мер хотели предотвратить массовые восстания.

Офицер, высокий сухощавый мужчина лет пятидесяти, подверг Доминика краткому допросу. Он говорил по-французски правильно, но в нем ощущалась чисто прусская жестокость.

- Вы местный житель?

- Нет, я бельгиец.

- Зачем же вы взялись за оружие?.. То, что здесь происходит, вас не касается.

Доминик не ответил. В эту минуту офицер заметил Франсуазу, которая стояла тут же и слушала их, - она была очень бледна, легкая ссадина красной полосой выделялась на ее белом лбу. Он поочередно посмотрел - сперва на нее, потом на него, - видимо, понял, в чем дело, и добавил только:

- Вы не отрицаете, что стреляли?

- Я стрелял, сколько мог, - спокойно ответил Доминик.

Это признание было излишне: он был черен от пороха, весь в поту, запачкан кровью, просочившейся из раны на плече.

- Отлично, - сказал офицер. - Через два часа вы будете расстреляны.

Франсуаза не вскрикнула. Она стиснула руки и подняла их в немом отчаянии. Офицер заметил этот жест. Двое солдат увели Доминика в соседнюю комнату, где им приказано было стеречь его, не спуская глаз. Молодая девушка упала на стул - у нее подкосились ноги; она не могла плакать, она задыхалась. Тем временем офицер продолжал следить за нею и наконец спросил:

- Этот парень - ваш брат?

Она отрицательно покачала головой. Лицо его оставалось суровым, без тени улыбки.

- Давно он живет в этих краях? - спросил он еще, помолчав.

Так же, кивком, она ответила: "Да".

- В таком случае он, очевидно, хорошо знает соседние леса?

На этот раз она прервала молчание.

- Да, сударь, - сказала она, глядя на него с легким удивлением.

Он ничего не добавил и, круто повернувшись, приказал привести к нему местного мэра. Тут Франсуаза поднялась с места. Лицо ее чуть порозовело: ей показалось, что она поняла, к чему клонились эти расспросы, и у нее появилась надежда. Она сама побежала за отцом.

Дядюшка Мерлье, едва прекратились выстрелы, поспешно спустился с деревянной галерейки к своему колесу. Он обожал дочку, он был крепко привязан к Доминику, своему будущему зятю, но колесо тоже занимало большое место в его сердце. Раз его ребяташки, как он называл их, вышли из передраги целы и невредимы, он вспомнил и о другой своей зазнобе, о той, которая пострадала особенно сильно. И, нагнувшись над большим деревянным остовом колеса, он с сокрушением изучал его раны. Пять лопастей были раскрошены в куски, станина - вся в дырах. Пальцами измеряя глубину пробитых пулями отверстий, он обдумывал, каким способом починить эти повреждения, и уже заделывал пробоины обломками и мхом, когда к нему подошла Франсуаза.

- Отец, - сказала она, - они требуют вас.

И тут, рассказывая ему все, что слышала, она наконец заплакала. Дядюшка Мерлье покачал головой. Так просто людей не расстреливают. Там видно будет. И он вернулся на мельницу задумчивый и спокойный, как обычно. На требование офицера доставить провиант для его людей он ответил, что жители Рокреза не привыкли к грубому обхождению и что силой от них ничего не добьешься. Он брался достать все, но при условии, что будет действовать один. Сначала офицер был, казалось, рассержен этим невозмутимым тоном, потом уступил, убежденный краткими и ясными доводами старика. Когда тот уходил, офицер снова подозвал его и спросил:

- Как у вас называется тот лес, вон там, напротив?

- Совальский.

- А далеко ли он тянется?

Мельник пристально посмотрел на него.

- Не знаю, - ответил он.

И ушел. Через час контрибуция, потребованная офицером - продовольствие и деньги, - была уже во дворе мельницы. Приближался вечер. Франсуаза с тревогой следила за действиями солдат. Она не отходила от дверей комнаты, где заперли Доминика. Около семи часов ей пришлось пережить страшную тревогу: к пленному вошел офицер, и в течение четверти часа до нее доносились их голоса, становившиеся все громче. Затем офицер на секунду выглянул из дверей и отдал по-немецки какое-то приказание. Она не поняла его, но, когда двенадцать солдат с ружьями выстроились во дворе, ее охватила дрожь и ей показалось, что она умирает. Итак, все кончено, сейчас казнь совершится. Двенадцать солдат стояли во дворе минут десять. Громкий голос Доминика продолжал звучать гневным отказом. Наконец офицер вышел и, прежде чем захлопнуть дверь, сказал:

- Хорошо, подумайте... Даю вам срок до завтрашнего утра.

Движением руки он отпустил стоявших во дворе солдат. Франсуаза застыла на месте, оцепенев от страха. Дядюшка Мерлье, продолжая курить трубку и поглядывая на солдат с видом человека, испытывающего простое любопытство, ласково взял дочь за руку и отвел в комнату.

- Успокойся, - сказал он, - постарайся уснуть. Утро вечера мудренее.

Уходя, он из предосторожности запер Франсуазу. Он считал, что женщины ни на что не годны и только все портят, когда берутся за серьезные дела. Однако Франсуаза не легла спать. Она долго сидела на кровати, прислушиваясь к звукам, раздававшимся в доме. Расположившиеся во дворе немецкие солдаты пели и смеялись; как видно, они продолжали есть и пить, потому что до одиннадцати часов шум не прекращался ни на минуту. Время от времени и внутри мельницы раздавались тяжелые шаги, - должно быть, это сменялись часовые. Но с особенным вниманием прислушивалась девушка к звукам, которые ей

удавалось уловить в комнате, находившейся под ее спальenkой. Она несколько раз ложилась на пол и прикладывалась к нему ухом. Именно там был заперт Доминик. Видимо, он ходил взад и вперед, от стены к окну, - она долго слышала его размеренные шаги. Затем наступила полная тишина, очевидно, он сел. Да и другие звуки постепенно затихли; все засыпало. Когда ей показалось, что весь дом уснул, она как можно бесшумнее открыла окно и облокотилась на подоконник.

Ночь была ясная и теплая. Узкий серп луны, заходившей за Совальский лес, слабо озарял поля, словно ночная лампада. Удлиненные тени высоких деревьев черными полосами ложились на луга, а трава в освещенных местах отливала бледно-зеленым бархатом. Но таинственная прелесть ночи не привлекала внимания Франсуазы. Всмотриваясь в даль, она отыскивала взглядом часовых, которых немцы, по всей вероятности, расставили вокруг мельницы. Да, она ясно различала их тени, тянувшиеся вдоль Морели. Напротив мельницы был только один часовой; он стоял на противоположном берегу реки, под ивой, ветви которой купались в воде. Франсуаза отчетливо видела его. Это был высокий солдат. Он стоял неподвижно, устремив взгляд в небо, похожий на замечтавшегося пастуха.

Внимательно осмотревшись, девушка опять села на кровать. Так провела она около часа, поглощенная какой-то мыслью. Затем снова прислушалась; в доме не раздавалось теперь ни малейшего шороха. Она еще раз подошла к окну и выглянула наружу, но, должно быть, рог месяца, который все еще виднелся за деревьями, показался ей помехой и она снова предалась ожиданию. Наконец она решила, что пора. Стало совершенно темно, она уже не различала часового напротив, и все кругом расплылось в чернильную лужу. Еще с минуту она прислушивалась, потом решила. Здесь, у самого ее окна, проходила лесенка ряд железных, вделанных в стену ступенек, которые вели от колеса на чердак и когда-то служили мельникам для осмотра частей механизма. Впоследствии устройство колеса было изменено, и лесенка давно уже пряталась под густым плющом, покрывавшим мельницу со стороны речки.

Франсуаза храбро перелезла через подоконник, ухватилась за одну из железных перекладин и повисла. Затем она начала спускаться. Юбка сильно ей мешала. Вдруг от стены оторвался камень и со звонким всплеском упал в Морель. Похолодев от страха, она застыла на месте. Но тут же поняла, что шум воды, ее непрерывный рокот, должен на расстоянии заглушать любой шум, какой может произвести она сама, и стала спускаться смелее, раздвигая ногою плющ, нащупывая ступеньки. Оказавшись на уровне комнаты, служившей Доминику тюрьмой, она остановилась. Одно непредвиденное затруднение едва не лишило ее мужества: окно нижней комнаты приходилось не прямо под окном ее спальни, а было в стороне от лестницы, и, вытянув руку, она нащупала только стену. Неужели ей придется лезть обратно, не осуществив свой план? У нее устали руки; от журчанья Морели, не прекращавшегося там, внизу, начинала кружиться голова. Тогда она оторвала от стены несколько маленьких кусочков штукатурки и бросила их в окно Доминика. Он не услышал; может быть, он спал. Она отковырнула от стены еще кусочек, ободрала пальцы. Силы ее были на исходе, она чувствовала, что сейчас сорвется, когда наконец Доминик осторожно отворил окно.

- Это я, - прошептала она. - Скорей, поддержи меня, я падаю!

Она впервые сказала ему "ты". Высунувшись из окна, он схватил ее и внес в комнату. Здесь она разразилась слезами, стараясь, однако, подавить рыданья, чтобы ее не услышали. Потом, сделав над собой отчаянное усилие, успокоилась.

- Вас стерегут? - спросила она шепотом.

Доминик, который еще не мог прийти в себя от изумления, охватившего его при виде Франсуазы, только показал на дверь. За стеной раздавался храп; как видно, часовой, не в силах бороться со сном, улегся на полу под дверью, думая, что таким образом пленнику не уйти.

- Надо бежать, - взволнованно продолжала она. - Я пришла, чтобы уговорить вас бежать и проститься с вами.

Но он, казалось, не слышал ее. Он твердил:

- Как, это вы! Это вы... И напугали же вы меня! Ведь вы могли разбиться насмерть. - Он взял ее руки, поцеловал их. - Как я люблю вас, Франсуаза!.. Вы не только добрая, вы еще и храбрая. Я боялся одного - умереть, не повидавшись с вами. Но вы тут, и теперь пусть они расстреливают меня. Если я побуду с вами хоть четверть часа, я готов потом встретить смерть.

Он осторожно привлек ее к себе, и она прижалась головой к его плечу. Опасность сблизила их. В этом объятии они забыли все.

- Ах, Франсуаза, - с нежностью сказал Доминик, - ведь сегодня день святого Людовика, долгожданный день нашей свадьбы! Ничто не смогло разлучить нас, раз мы все-таки здесь, наедине друг с другом, раз мы явились на назначенное свиданье... Правда? Ведь сейчас утро перед нашей свадьбой.

- Да, да, - повторила она, - утро перед свадьбой.

Дрожа, они поцеловались. Но внезапно она оторвалась от него. Страшная действительность встала перед ее глазами.

- Надо бежать, бежать, - пролепетала она. - Нельзя терять ни минуты.

Он протягивал в темноте руки, чтобы снова обнять ее, но она сказала, опять обращаясь к нему на "ты":

- О, прошу тебя, выслушай меня... Если ты умрешь, я тоже умру. Через час станет светло. Я хочу, чтобы ты ушел сию же минуту.

И она торопливо рассказала ему то, что задумала. Железная лесенка доходит до колеса. Ухватившись за лопасти, он сможет сесть в лодку, которая спрятана в углублении. А потом ему легко будет добраться до того берега и скрыться.

- Но ведь там, наверное, часовые? - спросил он.

- Только один, напротив, под первой ивой.

- А если он заметит меня? Если вздумает крикнуть?

Франсуаза вздрогнула. И вложила ему в руку нож, который принесла с собой. Наступило молчание.

- А ваш отец, а вы? - продолжал Доминик. - Нет, нет, я не могу бежать... Когда меня здесь не будет, эти солдаты могут растерзать вас... Вы их не знаете. Они обещали помиловать меня, если я соглашусь провести их через Совальский лес. Когда они увидят, что меня нет, они будут способны на все.

Девушка не стала терять времени на споры. На все его доводы она ответила только одно:

- Ради любви ко мне бегите... Если вы меня любите, Доминик, не задерживайтесь здесь больше ни одной минуты.

Она дала слово, что сейчас же вернется к себе, так что никто не узнает, что это она помогла ему бежать. Наконец, чтобы лучше убедить юношу, она обняла и поцеловала его в каком-то лихорадочном порыве страсти. Он сдался. И только спросил:

- Можете вы поклясться, что отец знает о вашем поступке и тоже советует мне бежать?

- Это отец и послал меня к вам, - не задумываясь, ответила Франсуаза.

Она лгала. В эту минуту у нее была лишь одна всепоглощающая потребность, одно желание - убедиться, что он в безопасности, избавиться от чудовищной мысли, что восход солнца должен явиться вестником его казни. Когда он будет далеко отсюда, пусть все несчастья обрушатся на нее, она с радостью перенесет их, только бы он остался в живых. Ее безмерная нежность жаждала видеть его живым, живым прежде всего.

- Хорошо, - сказал Доминик, - я сделаю, как вы хотите.

Они умолкли. Доминик снова открыл окно. Внезапно раздался какой-то шум, и они похолодели от ужаса. Дверь затряслась, им показалось, что кто-то отворяет ее. Неужели часовые, обходя помещение, услышали их голоса? Прижавшись друг к другу, они замерли в невыразимой тревоге. Дверь снова дрогнула, но не открылась. У обоих вырвался подавленный вздох облегчения: как видно, это повернулся во сне солдат, спавший у двери. И

действительно, в наступившей тишине снова послышался храп.

Доминик потребовал, чтобы Франсуаза первая поднялась к себе. Он обнял ее и безмолвно простился с нею. Потом помог ей ухватиться за перекладину и, в свою очередь, взобрался на лестницу. Но он заявил, что не спустится ни на одну ступеньку, пока не убедится, что она у себя. Оказавшись в своей комнате, Франсуаза наклонилась и прошептала:

- До свиданья, я люблю тебя!

Она осталась у окна, пытаясь проследить за Домиником. Ночь все еще была очень темна. Она искала глазами часового, но не нашла его; только ива выступала бледным пятном среди мрака. С минуту она слышала шорох - это Доминик, спускаясь, задевал плющ. Потом скрипнуло колесо, и послышался легкий всплеск, возвестивший, что юноша нашел лодку. Вскоре она действительно различила темный силуэт лодки на серой пелене Морели. Тогда мучительная тоска снова сжала ей грудь. Каждую секунду ей чудилось, что она слышит крик часового, поднявшего тревогу; малейший звук, раздававшийся во мраке, казался ей торопливыми шагами солдат, лязгом оружия, щелканьем затворов. Однако мгновенья проходили, а земля хранила свой величавый покой. Доминик должен был уже добраться до противоположного берега. Франсуаза ничего больше не видела. Стояла торжественная тишина. Вдруг она услышала топот, хриплый возглас, глухой стук упавшего тела. И тишина стала еще более глубокой. Тогда, словно ощутив дыхание смерти, вся похолодев, Франсуаза застыла на месте перед лицом густого мрака.

IV

Как только рассвело, вся мельница задрожала от громких раскатов голосов. Дядюшка Мерлье отпер комнату Франсуазы. Она спустилась во двор, бледная, но очень спокойная. Здесь она, однако, не смогла удержать дрожь тело прусского солдата было распростерто у колодца на разостланной шинели.

Солдаты, столпившиеся вокруг тела, размахивали руками и разъяренно выкрикивали что-то. Некоторые грозили кулаком в сторону деревни. Офицер между тем распорядился позвать дядюшку Мерлье - местного мэра.

- Вот один из наших солдат, - сказал он изменившимся от гнева голосом. - Его нашли убитым на берегу реки... Мы должны будем примерно наказать убийцу, и я рассчитываю, что вы поможете нам разыскать его.

- Как вам будет угодно, - ответил мельник со своей обычной невозмутимостью, - но только это нелегкое дело.

Офицер нагнулся и отвернул полу шинели, закрывавшую лицо убитого. Все увидели страшную рану. Часовой был убит ударом в горло, и орудие убийства еще торчало в ране. Это был кухонный нож с черной ручкой.

- Взгляните на этот нож, - сказал офицер дядюшке Мерлье, - быть может, он поможет нам при розысках.

Старик вздрогнул. Но сейчас же овладел собой, и ни один мускул не шевельнулся в его лице, когда он ответил:

- У нас в деревне у всех такие ножи... А может, вашему солдату надоело воевать, ц он сам себя прикончил. Бывает и так.

- Молчать! - яростно вскричал офицер. - Сам не знаю, что мешает мне запалить вашу деревню со всех четырех концов!

К счастью, гнев помешал ему заметить, как исказилось от волнения лицо Франсуазы. Она вынуждена была присесть на каменную скамью у колодца. Помимо воли она не могла оторвать глаз от трупа, распростертого на земле, почти у ее ног. Это был высокий красивый юноша, похожий на Доминика, с белокурыми волосами и голубыми глазами. От этого сходства ее сердце сжалось. Она подумала, что, быть может, у мертвеца осталась там, в Германии, возлюбленная, которая будет плакать по нем. И в горле покойника она узнала свой нож. Это она убила его.

Офицер все еще кричал, угрожая подвергнуть весь Рокрез жестокому наказанию, как

вдруг к нему подбежали несколько солдат: они обнаружили исчезновение Доминика. Это вызвало сильнейшее волнение. Офицер отправился к месту побега, выглянул в окно, так и оставшееся открытым, все понял и вернулся вне себя от злобы.

Дядюшка Мерлье был явно раздосадован побегом Доминика.

- Дурень! - проворчал он. - Испортил все дело.

Франсуаза расслышала его слова, и ее охватило отчаяние. Отец, впрочем, не подозревал о ее сообщничестве. Он покачал головой и сказал вполголоса:

- Вот теперь нам не поздоровится.

- Это тот негодяй! Тот самый негодяй! - кричал офицер. - Он убежал в лес... Но пусть нам найдут его, или деревня дорого за него заплатит.

И он обратился к мельнику:

- Послушайте-ка, вы, конечно, знаете, где он прячется?

Дядюшка Мерлье улыбнулся своей обычной безмолвной улыбкой и показал на широкий простор лесистых холмов.

- Да разве там найдешь человека! - сказал он.

- О, там должны быть укромные местечки, которые вам хорошо известны. Я дам вам десять солдат. Вы поведете их.

- Согласен. Но чтобы обойти все окрестные леса, нам понадобится целая неделя.

Спокойствие старика приводило офицера в ярость. Он и сам понимал всю нелепость подобной облавы. Внезапно он заметил на скамье Франсуазу - она была очень бледна и вся дрожала. Взволнованный вид девушки привлек его внимание. С минуту он молчал, поочередно разглядывая мельника и Франсуазу.

- Скажите, - грубо обратился он наконец к старику, - ведь этот человек - любовник вашей дочери?

Дядюшка Мерлье побагровел; казалось, вот-вот он бросится на офицера и задушит его. Однако он овладел собой и ничего не ответил. Франсуаза закрыла лицо руками.

- Да, это ясно, - продолжал немец, - либо вы, либо ваша дочь помогли ему бежать. Вы его сообщник... В последний раз - выдадите вы нам его или нет?

Мельник не ответил. Он отвернулся и с безразличным видом стал смотреть вдаль, словно офицер обращался не к нему. Пруссак окончательно рассвирепел.

- Хорошо! - вскричал он. - Вы будете расстреляны вместо него.

И он еще раз велел построить взвод для совершения казни. Дядюшка Мерлье не потерял своей невозмутимости. Он только слегка пожал плечами: вся эта сцена казалась ему нелепой. Должно быть, он не верил, - что можно так легко расстрелять человека. Потом, когда взвод был построен, он спокойно сказал:

- Так это всерьез?.. Что ж, я согласен. Если уж вам непременно надо кого-нибудь расстрелять, так я подойду вам не хуже всякого другого.

Но Франсуаза, обезумев, вскочила со скамьи и залепетала:

- Пощадите, сударь, не трогайте отца. Лучше убейте меня вместо него... Это я помогла Доминику бежать. Я одна виновата во всем.

- Замолчи, дочка! - крикнул дядюшка Мерлье. - Зачем ты лжешь? Сударь, она провела всю ночь у себя в комнате под замком. Уверю вас, она лжет.

- Нет, не лгу, - с жаром возразила девушка, - я вылезла из окна и спустилась по лесенке, я уговорила Доминика бежать... Это правда, истинная правда.

Старик сильно побледнел. По ее глазам он понял все и ужаснулся. Ох уж эти малыши с их сердечными делами! Они только все портят! И он рассердился.

- Она сошла с ума, не слушайте ее. Плетет какие-то небылицы... Давайте покончим с этим.

Она пыталась убеждать еще; Упала на колени, умоляюще сложила руки. Офицер хладнокровно наблюдал за этой мучительной борьбой.

- Бог мой! - сказал он наконец. - Я беру вашего отца, потому что у меня нет того, другого... Постарайтесь найти его, и ваш отец будет свободен.

Она взглянула на офицера широко открытыми глазами - ее поразила чудовищность этого предложения.

- Какой ужас! - прошептала она. - Где же я могу найти сейчас Доминика? Он ушел, и больше я ничего не знаю.

- Как вам угодно, выбирайте. Либо он, либо ваш отец.

- О, господи, да разве я могу выбирать? Если бы даже я и знала, где Доминик, то все равно не могла бы выбрать!.. У меня просто сердце разрывается... Лучше уж мне самой умереть сию же минуту. Да, это будет лучше. Убейте меня, прошу вас, убейте меня.

Ее слезы и отчаяние надоели офицеру.

- Хватит! - крикнул он. - Я готов быть великодушным и согласен дать вам два часа... Если через два часа ваш милый не вернется сюда, то за него поплатится ваш отец.

И он велел отвести дядюшку Мерлье в ту самую комнату, которая этой ночью служила тюрьмой Доминику. Старик попросил табаку и закурил. На его бесстрастном лице не видно было ни малейшего волнения. И, только оставшись один, он, не выпуская изо рта трубки, уронил две крупные слезы, медленно покотившиеся по его щекам. Бедная, дорогая девочка, как она страдает!

Франсуаза все еще стояла посреди двора. Прусские солдаты, смеясь, проходили мимо. Некоторые бросали ей на ходу какие-то словечки, какие-то шутки, но она не понимала их. Она смотрела на дверь, за которой только что скрылся ее отец. И медленно подносила руку ко лбу, словно боясь, как бы он не раскололся.

- У вас есть два часа, - повторил офицер, отворачиваясь, - постарайтесь воспользоваться ими.

У нее есть два часа. Эта фраза стучала в ее мозгу. Она машинально вышла со двора и побрела, не разбирая дороги. Куда идти? Что делать? Она даже не пыталась принять какое-либо решение, потому что ясно сознавала всю бесполезность своих усилий. Все же ей хотелось бы увидеть Доминика. Они бы что-нибудь придумали; быть может, вместе они бы нашли какой-нибудь выход. Вся во власти неясных мыслей, она спустилась на берег Морели и перешла через реку пониже плотины, там, где лежали большие камни. Ноги сами привели ее к первой иве, что росла на краю луга. Нагнувшись, она заметила лужу крови и побледнела. Да, это произошло здесь. И она пошла по следам Доминика в примятой траве; очевидно, он бежал бегом, отпечатки ног тянулись наискось через луг. Потом она потеряла эти следы. Однако на соседнем лугу ей показалось, что она снова нашла их, и они вывели ее на опушку, где уже не было никаких признаков Доминика.

Тем не менее Франсуаза углубилась в лес. Одиночество успокаивало ее. На минуту она присела. Потом, вспомнив, что время уходит, снова встала. Сколько прошло с тех пор, как она ушла с мельницы? Пять минут? Или полчаса? Она потеряла всякое представление о времени. Не спрятался ли Доминик в той рожице, где она часто бывала и где как-то днем они вместе рвали орехи? Она дошла до рожицы, осмотрела ее. Только черный дрозд выпорхнул из кустов, насвистывая свою нежную и грустную песенку. Вдруг ей пришло в голову, что, быть может, Доминик укрылся в расщелине между камнями, где он иногда прятался, выслеживая дичь. Расщелина была пуста. К чему искать? Она все равно не найдет его. Однако мало-помалу желание разыскать Доминика все сильнее завладевало ею; она пошла быстрее. Вдруг ей подумалось, что он мог взобраться на дерево. Теперь она шла, глядя вверх, а чтобы он знал, кто идет, она через каждые пятнадцать - двадцать шагов окликала его. Ей отвечала кукушка. При малейшем дуновении ветра, шелестевшего в листьях, ей казалось, что Доминик здесь, что сейчас он спустится к ней. Один раз ей почудилось даже, что она видит его; она остановилась, задыхаясь от волнения, испытывая желание убежать. Что она скажет ему? Зачем она пришла - увести его с собой на расстрел? О нет, она ничего ему не расскажет, она крикнет только, чтобы он бежал, чтобы не оставался в окрестностях. Но тут воспоминание об отце, который ждал ее, пронзило ее острой болью. Она упала на траву, плача, повторяя вслух:

- Господи! Господи! Зачем я здесь!

Каким безумием было прийти сюда! И, охваченная ужасом, она бросилась бежать, стремясь выбраться из леса. Она три раза сбивалась с дороги и уже думала, что ей не найти мельницы, как вдруг, выйдя на луг, оказалась как раз напротив Рокреза. Увидев деревню, она остановилась. Неужели она вернется одна?

Она стояла так, когда чей-то голос тихо окликнул ее:

- Франсуаза! Франсуаза!

И она увидела Доминика, высунувшего голову из небольшой канавы. Боже праведный! Она нашла его! Так, значит, само небо хочет его смерти? Она удержала готовый вырваться крик и соскользнула в канаву.

- Ты искала меня? - спросил он.

- Да, - ответила она, чувствуя, что в голове у нее шумит, сама не понимая, что говорит.

- А зачем? Что случилось?

Она опустила глаза и пробормотала:

- Да ничего такого. Просто было тревожно, хотелось повидать тебя.

Тогда, успокоившись, он объяснил ей, что не хочет уходить далеко. Он боится за них. Эти негодяи пруссаки вполне способны выместить зло на женщинах и стариках. Впрочем, пока что все хорошо. И он добавил со смехом:

- Свадьба будет неделей позже, вот и все.

Однако, видя, что она все так же взволнована, он снова стал серьезен.

- Да что с тобой? Ты что-то скрываешь от меня.

- Нет, нет, клянусь тебе. Просто я быстро бежала.

Он поцеловал ее и сказал, что не стоит им обоим оставаться здесь дольше. И уже хотел было пойти вдоль канавы, чтобы добраться до леса, но она удержала его. Она дрожала.

- Знаешь что, пожалуй, все-таки лучше тебе остаться здесь. Никто тебя не ищет, ничто тебе не угрожает.

- Франсуаза, ты что-то скрываешь от меня, - повторил он.

Она еще раз поклялась, что ничего не скрывает. Ей просто хочется знать, что он здесь, возле нее. И она пробормотала, запинаясь, еще какие-то доводы. Она показалась ему такой странной, что теперь он и сам не согласился бы уйти далеко. К тому же он верил в возвращение французов. Люди видели французские войска около Соваля.

- Ах, только бы они пришли скорее, как можно скорее! - горячо прошептала она.

В эту минуту на рокрезской колокольне пробило одиннадцать часов. Удары раздавались один за другим отчетливо и звонко. Она вскочила в испуге: с тех пор как она ушла с мельницы, прошло два часа.

- Послушай, - сказала она торопливо, - если ты нам понадобишься, я поднимусь в свою комнату и махну платком.

И она убежала, а Доминик, сильно встревоженный, растянулся на краю канавы, откуда можно было наблюдать за мельницей. У самого Рокреза Франсуаза встретила старика нищего, дядюшку Бонтана, который знал всю округу. Он поздоровался с ней и рассказал, что сейчас только видел мельника, окруженного пруссаками; затем, крестясь и бормоча что-то несвязное, побрел дальше.

- Два часа прошло, - сказал офицер, когда появилась Франсуаза.

Дядюшка Мерлье был здесь; он сидел на скамье у колодца и по-прежнему курил. Девушка опять стала умолять, плакать, встала на колени. Она хотела выиграть время. Надежда на возвращение французов усилилась в ее сердце, ей казалось, что она слышит вдали мерный шаг солдат. Если бы они появились, если бы они освободили их всех!

- Послушайте, сударь, один час, еще один только час... - умоляла она. Вы же можете дать нам еще час!

Но офицер был непреклонен. Он даже приказал двоим солдатам схватить Франсуазу и увести, чтобы можно было спокойно произвести расстрел старика. Страшная борьба завязалась тогда в сердце Франсуазы. Она не могла допустить, чтобы отец был убит на ее глазах. Нет, нет, лучше ей самой умереть вместе с Домиником. И она уже бросилась бежать в

свою комнату, как вдруг сам Доминик вошел во двор.

Офицер и солдаты встретили его появление торжествующим криком. Но Доминик подошел прямо к Франсуазе, словно никого, кроме нее, здесь не было, и спокойно, почти сурово сказал:

- Это нехорошо. Почему вы не привели меня с собой? Если бы дядюшка Бонтан не рассказал мне обо всем... Ну, все равно, я здесь.

V

Было три часа. Большие черные тучи, остатки грозы, разразившейся где-то неподалеку, медленно заволокли горизонт. Это желтое небо, эти медные лоскутья облаков превратили Рокрезскую долину, такую веселую при свете солнца, в какой-то мрачный разбойничий притон. Прусский офицер велел запереть Доминика, не сказав ни слова о том, какую участь он ему готовит, и с самого полудня Франсуаза терзалась невыносимой тревогой. Несмотря на настояния отца, она ни за что не хотела уходить в дом. Она ждала французов. Но часы текли, скоро должно было стемнеть, и она страдала еще сильнее оттого, что все это выигранное время, видимо, не могло изменить ужасной развязки.

Однако к концу дня пруссаки начали готовиться к уходу. Пока шли эти приготовления, офицер, как и накануне, заперся с Домиником. Франсуаза поняла, что судьба юноши сейчас будет решена. Она сложила руки и начала молиться. Дядюшка Мерлье рядом с ней продолжал хранить свое суровое молчание - молчание старого крестьянина, который смиряется перед неизбежностью событий...

- О, господи! Господи! - шептала Франсуаза. - Они убьют его...

Мельник привлек ее к себе и посадил на колени, как ребенка.

В эту минуту офицер вышел во двор, а двое солдат позади него вывели Доминика.

- Ни за что! Ни за что! - кричал юноша. - Лучше умереть.

- Подумайте хорошенько, - еще раз сказал офицер. - Услугу, в которой отказываете вы, нам окажет кто-нибудь другой. Я дарю вам жизнь, я великодушен... От вас требуется только провести нас в Монредон через лес. Там, наверное, есть тропинки.

Доминик не отвечал.

- Итак, вы упорствуете?

- Убейте меня, и покончим с этим, - ответил он.

Франсуаза, сложив руки, издали умоляла его взглядом. Она забыла обо всем. Она готова была толкнуть его на предательство. Но дядюшка Мерлье схватил ее за руки, чтобы пруссаки не увидели этого жеста обезумевшей женщины.

- Мальчик прав, - пробормотал он, - лучше умереть.

Взвод был уже выстроен, но офицер медлил, рассчитывая, что в последнюю минуту Доминик проявит малодушие. Наступила тишина. В отдалении слышались громкие раскаты грома. Давящая духота нависла над деревней. И вдруг в этой тишине прозвучал возглас:

- Французы! Французы!

И в самом деле, это были французы. На Совальской дороге, вдоль опушки леса, показались ряды красных шаровар. На мельнице поднялась страшная суматоха. Прусские солдаты с гортанными возгласами бегали взад и вперед. Впрочем, еще не раздалось ни одного выстрела.

- Французы! Французы! - воскликнула Франсуаза, хлопая в ладоши.

Она точно обезумела. Высвободившись из объятий отца, она смеялась и размахивала руками. Наконец-то они пришли, и пришли вовремя, раз Доминик был еще здесь, целый и невредимый!

Страшный залп взвода прогремел в ее ушах, словно удар грома; она обернулась. За минуту перед тем офицер тихо проговорил:

- Прежде всего покончим с этим делом.

Собственноручно подтолкнув Доминика к стене сарая, он отдал приказ стрелять, и когда Франсуаза обернулась, Доминик уже лежал на земле с двенадцатью пулями в груди.

Она не заплакала, она оцепенела. С остановившимся взглядом она опустилась на землю

у сарая, в нескольких шагах от трупа. Она смотрела на него и время от времени делала рукой какое-то неопределенное, бессмысленное движение. Дядюшку Мерлье немцы взяли в качестве заложника.

Это был славный бой. Офицер быстро разместил солдат, понимая, что отступление влечет за собой неминуемую гибель. Лучше уж было подороже продать свою жизнь. Теперь пруссаки защищали мельницу, а французы нападали на нее. Перестрелка началась с неслыханной силой. Она не прекращалась около получаса. Затем раздался глухой взрыв, и снарядом сломало огромный сук столетнего вяза. У французов были пушки. Огонь батареи, установленной как раз над той канавой, где утром прятался Доминик, сметал домишки Рокреза. Теперь борьба не могла уже быть долгой.

Ах, бедная мельница! Ядра продырявливали ее со всех сторон. Было снесено полкрыши. Вот рухнули две стены. Но особенно сильно пострадало здание со стороны Морели. Плющ, сорванный с расшатанных стен, свисал, словно лохмотья; река уносила всевозможные обломки, а в одной бреши виднелась комнатка Франсуазы и ее кровать, белый полог которой был тщательно задернут. В старое колесо попали, одно за другим, два ядра, и оно издало последний предсмертный стон; лопасти унеслись по течению, остов рухнул. От веселой мельницы отлетела ее душа.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](http://TheLib.Ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)